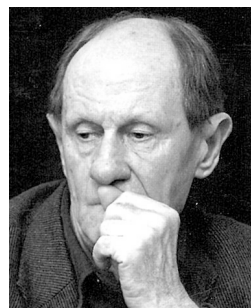

Виктор
Бадиков

УЗНАВАЯСЬ В ДРУГОМ

Ее имя встречается в нашей центральной прессе едва ли не каждый день, особенно в «Казахстанской правде» и «Ниве». Ее репортажи, интервью, статьи не читаются, а проглатываются, как самые вкусные вещи, потому что написаны замечательно ясно, увлеченно и всегда по стоящему поводу. Как фельетоны Булгакова или рассказы Гайдара. Самые разные представители творческой интеллигенции РК – писатели, художники, артисты и режиссеры, ученые-гуманитарии – благодарны ей не просто за внимание, но прежде всего за живой глубокий интерес к их творчеству. Она не просто что-то сообщает, но моментально увлекает читателя за собой – в мир вдохновения, фантазии и красоты.

Но о самой Любове Шашковой – прекрасном и многогранном поэте написано так несравненно и несправедливо мало, что, кажется, главное ее – художественное дарование как бы отодвинули на второй план, оставили за кадром ее публицистики. Помимо дежурных рецензий и юбилейных поздравлений, остались разве что глубокие статьи ее литературной «мамы», наставника Руфи Тамариной и некоторых друзей, соратников по поэтическому цеху. И это за тридцать лет ее жизни и творчества в Казахстане! Каюсь, давно собирался писать о ней уже без всяких поводов, накапливал впечатления от нечастых ее сборников, пока не пришло сознание того, что поэзия Шашковой – это тоже несомненный литературный факт переходного времени, без всяких скидок на так называемую «женскую лирику».

Но и повод, как обычно, не заставил себя ждать. Вышел итоговый сборник «Из трех книг» (2000 г.), представивший ее поэтический облик с большей полнотой и характерностью – в развитии и сокровенной цельности, «необщего выражения».

* * *

В своей художественной этнокультурной сути это очень своеобразный поэт. Даже у нас в многонациональной литературе Казахстана, где этнокультурная маргинальность так тесно и часто пересекалась с катастрофами и судорогами XX века, что стала уже привычным способом бытия и быта – на скрещении и перепутье, на обочине, но бок о бок, «узнаваясь в другом».

Я не придавал этому значения, но ошибался. Если называть Шашкову «билингвом» как-то еще непривычно, то в двойном культурном гражданстве ее сомневаться не приходится.

Да вы только присмотритесь к ней – статная, солнечная блондинка явно северо-западного, европейского происхождения, с певучим голосом и царственными жестами! А сколько доброты и доверия в ее улыбчивых глазах и в музыке целительного смеха!..

Родина Шашковой – Беларусь, где прошли ее детство и юность, с трагическим наследием войны в судьбе родных и близких, с неизбывной кровной тягой к этому болотно-суглинистому краю. Ее поэзия начинается с благоговейного преклонения перед этой землей («Ах трава-мурава моего деревенского детства», «Маме», «Примета», «На Березине»). Это главный запев и лирический кровоток, определяющий изысканную непосредственность и внятность ее стихотворной речи, открытость ее белорусско-русской духовности. Колдовские мотивы славянского язычества и, может быть, рискованное погружение в историю Киевской древней Руси, причем в двух художественных вариантах – русском (поэма «Рогнеда») и белорусском (перевод поэмы Янки Купалы «На кутю»). Душа велит писать – неутоленный порыв к постижению смысла общерусской истории. Напоминание о нашем многовековом родстве, которое в новые времена стало все более односторонне попирается. Не на это ли намекает святочная поэма Купалы: «Нет, не погибнет тот народ, / Что жаждет солнца, славы, песни. / Час пробуждения пробьет, / И к новой жизни он воскреснет». И не о том же ли говорится в скорбно-патетическом эпилоге «Рогнеды»:

*Но где, Рогнеда, ты сейчас?
Пусть Гориславою вернется.
Пусть подивится горькой славе
Земли своей...
Чтобы сказать: воскресни, человеческий дух
Велик ты, человек, – не слаб.*

Даже такую строгую и стихотворно искусственную форму, как «венок сонетов» («Повторение пройденного»), Шашкова наполняет самым земным гражданским содержанием – исторические и нравственные уроки войны, объединяющие все народы бывшего СССР – «И у могил родных и дальних плакать / Вовек нам разучиться не дано».

Вот так. От лирики малой родины, своей деревни Василёвки – к эпосу расколото-того современного мира, потому что все должны быть «со-едины»: и, например, чернобыльские облака «...над белорусским краем / Над Василёвкой расстреляли. / И вот несет она в глазах / За нас с тобою взятый страх...»

* * *

Мощное, эпически свободолюбивое начало как раз в духе белорусской классики (Я. Купала, З. Бядуля, П. Бровка, М. Танк и др.). А художественное возрождение национальной истории в сегодняшней литературе белорусов, как и казахов, – народов, испытывавших колониальный гнет на протяжении нескольких столетий (!), – совершенно закономерно и говорит само за себя.

Литературная и гражданская маргинальность Л. Шашковой не обезличивает ее как представителя своей национальной культуры, а как раз напротив – усиливает ее художественную самобытность. Распространенная сейчас, даже модная

космополитичность инациональных и автохтонных маргиналов уже теряет свою остроту, так как расплывается в самых общих и уже расхожих формулах, как «гражданин мира», «человек всего человечества» и тому подобное. Например, такому стопроцентному космополиту, как Б. Кенжеев, совершенно обрусевшему казаху, все-таки приятно было, когда я назвал его «летучим чимкентцем» (так сказать, по месту рождения, хотя правильнее было бы, наверное, – «летучий канадец», по месту постоянного проживания).

Что из того, что Шашкова у нас в Казахстане считается русским поэтом? Это, наверно, для простоты дела или, может быть, по ее собственному желанию, не знаю. Василь Быков писал в основном на русском, хотя назывался белорусским писателем, проживавшим под конец жизни в эмиграции.

У Л. Шашковой язык творчества (безукоризненно русский) все равно получил и предметно-словарную и внутреннюю духовную прививку исторической «батьковщины». И это только украсило и обогатило как ее русский язык, так и ее художественный мир. Посмотрите, с какой любовью, ностальгией и органичностью живут в ее лирике белорусские тононимы: Василёвка, Хатынь, Брест, Буг, как обыгрывается образ Бусела-аиста в стихотворении «Ванька-Бусел», предваряемом эпиграфом «Побачь, побачь, – узнов буслы лятать...», в стихотворении о трагической судьбе дядьки Ваньки по кличке Бусел. И разве не символично-любовно звучит финал стихотворения о солдатском письме из Бреста – даже в наше время:

*А мама на другом конце страны
Прочтет меж строк, что ей одной известно:
– Как хорошо.
Пришло письмо из Бреста.
А значит, все в порядке.
Нет войны!*

* * *

Ну а теперь, конечно, о том, без чего подлинная лирика не существует, в том числе и женская (уже, пожалуй, независимо от 5-го пункта авторской биографии). О том, что Маяковский под конец жизни не хотел называть своим словом и заменил прозрачным эвфемизмом «Про это» – во имя правды, во избежание компрометации самого святого.

Хотя где тут истина и в чем святость (и существует ли она вообще?), ибо, с одной стороны, все может кончиться убийством любимого человека, как в «Балладе Редингской тюрьмы», или гибелью поэта-максималиста, как у Маяковского, а с другой – жалким фарсом, как у Гейне – «ах, она мне надоела, ложь любовных ваших жалоб», или у него же – советом вообще никогда не обольщаться в любви, потому что она всего лишь «старая сказка, что новой / Останется навек; / А с кем она случится, / Тот конченный человек».

Л. Шашкова ничего нового здесь не изобретает, то есть не предлагает, потому что понимает, что никому в жизни не дано отказаться от «старой сказки», а тот, кто на это все-таки, безумец, решается (особенно поэт!), тот уже в полном смысле – «конченный человек». Да и кому такой поэт нужен, кроме самого себя?.. И потому, не кривя душой, не кокетничая и не актерствуя, она рассказывает нам свою тоже

«старую сказку» – возвышенную, но, конечно, по самому типичному сюжету – с грустным концом. Будучи женщиной, то есть, как правило, страдательной стороной, она с самого начала своей лирической «сказки» – заранее утешает нас такими заклинаниями, как «Человеку нужен человек. / Пусть на миг всего лишь – не на век / Среди быта или бытия / Ощутить однажды: / Ты есть я». То же самое в заголовке ее третьей книги «Диалоги с надеждой», где последнее слово по крайней мере двузачно: это имя ее младшей сестры и упование на победу взаимности между «ты» и «я». Но прочитайте заглавное стихотворение и убедитесь, каким горьким евангельским смыслом просвечена эта вещь, собственно, поэтическая, без всякого елеса, молитва, и не только за себя:

*Сколько хватит терпенья – до Судного дня –
 Дай мне, Боже, любить тех, кто любит меня,
 Сколько хватит надежды – свивать эту нить
 До крови, до мольбы – но любить и любить.
 Сколько веры достанет – прощать и прощать
 Тех, что в злой суете эту нить будут рвать.
 Сколько хватит любви – узелочки вязать,
 Их надеждой, надеждой скрепляя опять...*

В сущности, это мольба, даже просто «просьба к государыне-рыбке» о снисхождении, о милосердии и соучастии, адресованном всем несчастным, страждущим и заблудшим. От девушки, «не узнавшей такого счастья», потому что вернули милого «в цинковом во гробе» из Афгана, и пошла она с горя по рукам загулявших на собственной тризне (хулиганов, наркоманов, алкашей), – вплоть да самой «государыни-рыбки», чтобы возвратилась она в обмелевшую речку Бобрульку, в крайнем случае хотя бы в сказку. Вот ведь как. Напоминает это от части блоковское стенание – «Девушка пела в церковном хоре / О всех уставших в чужом краю». У Шашковой – в родном краю.

Но при всем эпическом расширении темы – необходимости в мире спасительной любви, сердцевиной ее, по традиции, становится «история женской души», но с характерной поправкой: души, которую никто не сможет остановить, которая «может посметь / Любить и страдать, и жалеть...» Потому что это еще душа поэта, художника.

Здесь читатель (как и читательница, вероятно, в первую очередь) будет захвачен драматичным романом извечного любовного противостояния мужчины и женщины в их неизменном невольном влечении друг к другу. Все перипетии этого романа, сначала, может быть, типично «жестокого» («Как нас нещадно ненависть сводила, / И как любовь от встреч нас бережет!»), встают в свой неизбежный ряд. Нет смысла их пересказывать, потому что каждая деталь, вся драма воплощены в сложный впечатляющий стихообраз – и это уже не сердцевина, а сердце всего лирического троекнижия Л. Шашковой.

Некоторая, впрочем, не частая, надо сказать, особенность этой «старой сказки» в том, что само искусство становится заложником неотступной страсти, то спасая, то убивая каждого из двоих в свою очередь. Уже в первой книжке «Пора подсолнухов» (пора созревания чувств) в стихотворении «Мастерская скульптора» в сжатом, пока свернутом виде намечен этот сюжет современных Галатеи и

Пигмалиона. Только рассказывает об этом она, пробуждающаяся в любви своей раньше и безысходнее, чем он. Любимая женщина, модель, так и не ставшая женой художника, вопрошает из самой глубины души: «Зачем меня ты лепишь не с меня?» «Мы здесь живем, но уж который год / Моя душа твоей не дозвется / Среди скульптур – моих же близнецов / Уже не помню я, что я живая...»

Это не просто замечательный поворот сюжета. Да, сходясь, мы еще не знаем, кто кого ваяет, сначала и потом. Но то, что «ваяние» вживе может обернуться против художника – это уже нечто иное, хотя художник знает о том, что образ может убить его. Когда модель не просто оживает, но открывает в себе тоже художественный дар, тогда, наверно, каждый из двоих переживает трагическую Пиррову победу. И нет прощенья никому, и нет вроде виноватых, потому что, страшно сказать, виновником становится само искусство. Фантом, или состояние, поглощающее человека настолько целиком, что еще при жизни он выбывает из числа «детей ничтожных мира», преступая в творческом эгоцентризме своем простые нравственные заповеди. Вот о чем этот поворот. И с каким драматизмом, глубинным погружением в душу, Его и Её, осуществлен он в поэме «Камилла»! В поэме о великом Родене и его несчастной подруге Камилле, обезумевшей от тщетности попыток стать частью его души.

Среди малых и больших поэм Шашковой («Море» и «Рогнеда»), среди стихотворных циклов артистического плана, посвященных художникам трудной судьбы (и это, конечно, не случайно) – Ван-Гогу, Пушкину, Чюрленису, Высоцкому, драматическая поэма «Камилла», если хотите, ее шедевр, ее классика. И даже если кому-то она покажется мелодрамой (чего не бывает!), то все равно не оставит равнодушным. Даже ритм и интонацию пушкинского белого 5-стопного ямба (ср. особенно «Моцарт и Сальери») прощаешь ей. И не только за искусство варьирования высокой традиции, но и за емкость художественного поиска, мастерскую режиссуру этой своеобразной «маленькой трагедии».

Ее поэтическому таланту присущи доверительная общительность как с жизнью, так и с искусством и духом великих и малых художников, очень женская и в то же время очень детская незамкнутость, бесхитростность лирического переживания, в сущности, отменяющие неизбежные литературные эвфемизмы и запретные темы. Хотя в наше время откровенностью никого не удивишь (чего стоит только эротическая с ног до головы Вера Павлова!), но Шашкова умеет подать интимную деталь как без ложной стыдливости, так и без намеренной фривольной игривости: «И лоно женское пустое, / Не заселенное тобою, / Тобой – любя!». Потому и «старая сказка» сказывается у нее на свой лад и смысл.

* * *

Поэтические женские и сестринские заклинания в ее книгах аukaются и сливаются, в конце концов, в материнскую мудрость, завещанную дочерям: «Наверно, права наша мама, / Что жить надо проще и легче, / Что жизнь не Любовью-Надеждой, а Верою лечат?»

Сестры Любовь и Надежда, разбираясь в себе и в жизни, диалогизируя уже в конкретно-символическом плане (а как говорить тут иначе?), обретают свою жизненно-бытийную истину: «Из любви и надежды там в муках рождается Вера». То есть «милосердие – высшая Мера». Сказано не совсем точно (наготове мрачные советские воспоминания), но читатель понимает: в смысле – Высшая

Правота, или Помилование. И поэтому лирическая исповедь Шашковой, полная звуков, картин, тревог и радостей живой жизни, ее собственная «старая сказка» не заканчивается, а уходит к своим истокам, к признанию и утверждению самой простой и великой истины, даже независимой, собственно, от поэзии:

*И жизнь уже тем хороша,
Что женская есть в ней душа,
Что светит и светит в тиши –
Пиши о ней иль не пиши...*

Что тут скажешь. Но знали бы мы об этом, если бы не эти безыскусные строки, возникшие как бы сами по себе, без всяких ухищрений и усилий?..

Я далеко не все сказал об этой искренне располагающей к себе лирике и сотворившей ее женщине. Пусть кое-что останется и на долю других, расслышавших певучий ласковый голос нашей Любки. Именно так, по ее свидетельству, – «моя любка» – ласково обращаются к младшей женщине в Белоруссии.

А теперь и в Казахстане.

2005 год

Виктор Владимирович Бадиков (15 августа 1939, Бузулук — 23 апреля 2008, Актау) – критик и литературовед. Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Республики Казахстан и Казахского ПЕН-клуба, входил в редколлегию многих литературных журналов.

Окончил филологический факультет Казахского университета и аспирантуру при нем. Преподавал в Казахском сельскохозяйственном институте, был визитинг-профессором в вузах Польши, в Казахском педагогическом институте имени Абая (ныне Казахский национальный педагогический университет имени Абая) и на курсах для начинающих писателей «Мастер-класс» при общественном фонде «Мусагет».

Автор ряда критических работ, посвящённых социальной роли писателя, а также книги стихотворений «Есть беспокойство», изданной посмертно. Его заслуги были отмечены почетным званием «Ветеран труда», нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки РК», медалью Международного клуба Абая за лучшую работу в номинации «Критика и литературоведение».

